

Философия трансформации доказывания в условиях развития новых технологий: международный аспект

Седова Дарья Алексеевна,

студент 2 курса 4 учебной группы (бакалавриат)
Всероссийского государственного университета юстиции

Аннотация. Современное общество активно развивается. Оно претерпевает различные изменения, включаясь в процесс технологического и технического прогресса, который диктует необходимость учета современных реалий в правореализации. Тем не менее, право на данный момент достаточно консервативно в своем развитии с точки зрения скорости его адаптации к новым условиям или запросам общества. Если рассматривать, например, уголовный процесс, то доказывание, как один из его институтов, составляет сердцевину, т.е. ту часть, которая стабильна и теоретически проработана достаточно полно. Именно поэтому сложно вносить изменения в доказывание как институт уголовного процесса.

Данная статья непосредственно связана с анализом перспектив трансформации доказывания в условиях цифровизации на примере Международного уголовного суда (далее — МУС), воплотившего в своей модели построения уголовного судопроизводства наилучшие практики стран как англосаксонской, так и континентальной правовых традиций. Для того, чтобы вынести справедливый приговор, МУС использует доказательства, которые были собраны в ходе расследования. Но как быть, если были обнаружены «доказательства» в цифровом виде? Посчитает ли МУС такие «доказательства» допустимыми и относимыми? Сегодня существует много новых цифровых сущностей. Среди них блокчейн, виртуальные деньги, криптовалюты, токены и пр. Специфика новых цифровых сущностей заключается в том, что они не имеют материального выражения и по природе абсолютно виртуальны. Именно поэтому возникает необходимость доктринального осмысления — изменится ли в таком случае процесс и философия доказывания? Ведь некоторые современные цифровые сущности уже сегодня используются не только в легальных целях, что, в свою очередь, приводит к необходимости поиска путей фиксации противоправных действий с использованием современных технологий. Анализ проблематики на примере МУС позволит сформулировать перспективы трансформации доказывания на национальном уровне.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, МУС, доказательства, доказывание, трансформация доказывания, Римский статут, цифровизация.

С момента появления МУС одной из важнейших проблем стала специфика доказывания причастности того или иного участника дела к совершённом международному преступлению и наличия вины в его действиях или бездействиях. Для самого процесса необходимы показания свидетелей, вещественные доказательства, которые бы подтверждали или опровергали какие-либо полученные данные, другие материалы и документы, имеющие значение для дела. Но прежде, чем говорить про то, каким видам доказательств отдаёт предпочтение МУС, следует напомнить, что представляет собой этот процесс, какие его формы существуют и какая из них используется непосредственно в МУС.

«Понятие формы уголовного процесса есть результат научного обобщения конкретных способов организации производства по уголовным делам, присущих тому или иному обществу

в различные периоды его развития»¹. Иными словами, форма процесса — это то, что позволяет показать непосредственно ход процесса, его развитие². Принято выделять розыскную, смешанную и состязательную формы³.

Анализ проблематики будет непосредственно связан с формой производства дел в МУС,

¹ Романов С.В. Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве // Труды юридического факультета. М., 2009. Кн. 11. С. 37.

² Полянский Н.Н. Основные формы построения уголовного процесса // Ученые записки. Труды юридического факультета. М., 1949. Вып. 145. Кн. 4. С. 51; Мещеряков Ю.В. Формы уголовного судопроизводства. Л., 1990. С. 7.

³ Печегин Д.А. Соотношение розыскного и состязательного начал в международных документах, регулирующих уголовное судопроизводство // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2014. № 6. С. 55.

которая представляет собой некий симбиоз следственного и состязательного начал. Такая модель безусловно играет огромную роль при трансформации института доказывания в условиях цифровизации.

В настоящее время МУС отдает предпочтение традиционным доказательствам, например, вещественным доказательствам, считая, что они дают самую достоверную информацию. Действительно, вещественные доказательства по своей природе незаменимы и безусловно отражают следы преступления в неизменном виде. Но прогресс не стоит на месте. И сейчас очень много полезной информации для непосредственного судебного разбирательства можно получить в цифровом виде с электронных носителей либо непосредственно из сети Интернет. Может ли МУС признать такого рода доказательства относимыми и допустимыми, а главное — достоверными?

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ) доказательства — это информация, позволяющая суду, прокурору, следователю, дознавателю установить наличие или отсутствие сведений, которые необходимо будет доказать в ходе судебного разбирательства или которые имеют значения для вынесения решения. С точки зрения доктрины доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве каждое доказательство должно отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности. Только в таком случае мы можем вести речь о доказательстве в уголовном судопроизводстве.

Мы обращаемся к анализу трансформации доказывания в МУС через нормы национальных систем не просто так. У каждого государства имеется своя система уголовной юстиции, которую во время какого-либо судебного разбирательства игнорировать было бы невозможно. Получается, что для эффективного функционирования МУС нужна была такая форма процесса, которая смогла бы «ужиться» с национальными системами государств-участников Римского статута⁴. У МУС (как и у любого другого международного трибунала) заложена определённая цель — сделать форму процесса на международном уровне универсальной, сбалансированной⁵ для того, чтобы можно было использовать доказательственную информацию независимо от правовых традиций и порядка

образования такой информации на национальном уровне.

Поэтому МУС строит свою деятельность особым образом. В результате получается некий механизм комплементарности⁶, образующий связь с системой международной безопасности ООН⁷, что в свою очередь придаёт деятельности универсальный характер.

Универсальность деятельности МУС диктует формирование совершенно особых условий осуществления доказывания. Доказательствами по делам, связанным с совершением международных преступлений, могут быть сведения, на основании которых МУС в порядке, определенном Римским статутом и Правилами процедуры и доказывания, а также сложившейся практики, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, достаточных для того, чтобы полагать, что конкретное лицо совершило международное преступление, за совершение которого оно обвиняется, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела⁸.

Это и раскрывает уникальность механизма МУС. Универсальный характер деятельности — это сотрудничество МУС с государствами, в которых сложились свои правовые традиции. Если МУС будет опираться только на какое-нибудь одно начало, то это заставит сомневаться не только в существовании принципа универсальности, но и возможности эффективного функционирования самой формы процесса⁹. Основатели МУС приняли решение о необходимости сотрудничать с другими государствами, используя не столько методы субординации, сколько координации. Именно поэтому мы вправе обращать своё внимание на понимание доказательств в рамках национальной юрисдикции и экстраполировать такое понимание на стандарты доказывания в МУС. Естественно, МУС при принятии того или иного решения не будет обращаться непосредственно к правилам доказывания, имеющим место быть

⁶ Каюмова А. Р. Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции // Государство и право. 2008. № 1. С. 82-90.

⁷ Глотова С. В. Международный Уголовный суд в системе международной безопасности // Международное право — International law. 2007. № 1(29). С. 85; Печегин Д. А. Становление международной уголовной юстиции: история вопроса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12(140). С. 149-153.

⁸ Белый И. Ю. Международное уголовное правосудие и современный миропорядок // Международное право и международные организации. 2016. № 2. С. 238-256.

⁹ Печегин Д. А. Сочетание состязательного и следственного начал при производстве дел в Международном уголовном суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 23.

⁴ Печегин Д. А. Становление международной уголовной юстиции: история вопроса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12(140). С. 149-153.

⁵ Broomhall B. International Justice and the International Criminal Court: between sovereignty and the rule of law. Oxford, 2003. P. 105-121.

в той или иной национальной юрисдикции. Это связано с тем, что для МУС предусмотрена совершенно особая форма и процедура доказывания. Но это не означает, что МУС не будет принимать во внимание предоставленные тем или иным государством доказательства, которые формируются национальными юрисдикциями в традициях своей доктрины доказывания по уголовным делам.

Сегодня процесс глобализации стремительно набирает обороты, что в свою очередь имеет свои плюсы и минусы. Безусловно, из плюсов можно назвать появление единого информационного пространства. Но и в этом есть свой минус. Данное пространство с правовой точки зрения не урегулировано, о чем и пишут В.Н. Чернышов, Е.С. Лоскутова в своей статье «Проблемы собирания и использования цифровых доказательств»¹⁰. Новые технологии позволяют в значительной мере масштабировать негативные последствия тех или иных противоправных действий. Современные цифровые преступления, например, заражение вирусной программой¹¹, носят транснациональный характер. В июне 2017 г. во всем мире произошло массовое разрушительное воздействие вредоносного программного обеспечения на ИТ-системы предприятий. Это всё лишний раз доказывает, что в настоящее время крайне необходим именно универсальный подход к трансформации теории доказывания в условиях цифровизации и противодействия киберугрозам¹².

Вернёмся к поставленному вопросу. Признает ли МУС относимыми, допустимыми и достоверными доказательства, полученные в цифровом виде?

Чтобы доказательств были допустимыми, для МУС нужно соблюдать следующие требования:

- установление подлинности¹³;

- правило лучших доказательств¹⁴;
- исключения к принципу неприемлемости показаний, основанных на слухах¹⁵.

Как можно понять, являются ли доказательства относимыми или допустимыми? Для этого заслушиваются в специальном режиме (in camera) мнения прокурора, защиты, свидетеля и потерпевшего. Далее происходит обсуждение, после которого нужно дать ответ на поставленный вопрос. Но нельзя не брать во внимание вред, который такие доказательства могут причинить правосудию¹⁶.

Помимо относимости и допустимости для доказательств также важны достоверность и достаточность. Можно ли эти свойства обнаружить в цифровых сведениях или нельзя? Условно представим цифровые доказательства, которые нельзя будет проверить в МУС в нужном формате. Для большей наглядности стоит их сравнить с вещественными доказательствами, которые, как известно, имеют свойство портиться или исчезать. И цифровые доказательства могут «исчезнуть», т.е. их попросту могут удалить, они могут не открыться в нужном формате из-за, например, заражения каким-либо вирусом и т.д.

В данном случае можно лишь сказать о том, что доказывание и его структура сегодня встречаются с натиском новых сущностей и будут подвергнуты трансформации, в том числе и на международном уровне. Сеть Интернет и другие телекоммуникационные сети составляют такое пространство, которое является новой средой, не имеющей границ, следовательно, не находящейся под юрисдикцией какого-либо одного государства¹⁷. Поэтому и стандарты доказывания и порядка сбора, проверки и оценки цифровых доказательств должны быть сформированы с учетом тех правил доказывания, которые заложены на международном уровне. Сегодня наиболее универсальной можно считать модель доказывания, которая воплощена в Римском статуте. Поэтому и апробацию новых стандартов цифрового доказывания модельно следует производить на примере МУС. Это существенно облегчит ведение следствия и раскрытие цифровых преступлений (как и транснациональных преступлений, связанных с использованием современных технологий).

¹⁰ Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-sobiraniya-i-ispolzovaniya-tsifrovyyh-dokazatelstv> (дата обращения: 10.07.2019).

¹¹ Печегин Д.А. Квалификация преступлений, связанных с использованием современных электронных сущностей: опыт Германии // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4. С. 123.

¹² Печегин Д.А. Крипториски // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3(12). С. 155-156.

¹³ Установление подлинности — это предоставление копии оригинала. Установление подлинности — это наиболее широко используемое правило, но эксперты на данный момент не могут определить насчет наиболее существенного элемента подлинности на практике. Одни говорят, что это документирование сделанного; другие — сохранение; некоторые — подтверждение слов. Можно предположить, что установление подлинности — это формальное доказательство. МУС лишь ограничивается проверкой процедуры его получения надлежащим субъектом.

¹⁴ Под лучшими доказательствами понимают предоставление оригинала.

¹⁵ Чоки М. Цифровые доказательства в информационную эру // URL: <http://www.crime-research.ru/articles/Chawki> (дата обращения: 10.07.2019).

¹⁶ Белый И.Ю. Указ. соч.

¹⁷ Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-sobiraniya-i-ispolzovaniya-tsifrovyyh-dokazatelstv> (дата обращения: 10.07.2019).

При предъявлении стороной доказательств МУС требует выполнения простых правил:

- 1) не нужно доказывать те факты, которые уже являются общеизвестными;
- 2) доказательства должны соответствовать положениям Римского статута и общепризнанным правам и свободам человека.

Итак, в Римском статуте обозначены лишь критерии. Соответственно, мало внимания уделено другим моментам: как, когда и при каких обстоятельствах можно ссылаться на такие цифровые доказательства (и можно ли вообще). И, безусловно, важно отметить, что нигде не указано, как должны оцениваться цифровые доказательства. Можно ли, например, использовать общие правила оценки доказательств, которые были использованы при постановлении приговора по делу Т. Лубанги Дыло? Тогда Судебная палата МУС подчеркнула, что решения должны быть основаны только на доказательствах, которые были «представлены» суду; «обсуждались в суде», иными словами, они были занесены в протоколы; и признаны судом допустимыми. Если сослаться на положения Римского статута, то можно заметить, что МУС выносит свои решения только на основе тех доказательств, которые были представлены и обсуждались непосредственно во время судебного разбирательства. Судебная Палата полагает, что «обсуждение при непосредственном судебном разбирательстве» состоит не только в даче устных показаний, но и в предоставлении материалов, имеющих место быть в письменных ходатайствах сторон на любой стадии разбирательства. Важно, по мнению МУС, чтобы доказательства, на которых суд основывает решение, были представлены во время судебного разбирательства и были включены в судебные протоколы. Судебная палата МУС напомнила, что согласно процессуальным нормам МУС не имеет права требовать подтверждения доказательства другими доказательствами для того, чтобы доказать преступление¹⁸.

Конечно, мы можем утверждать, что определенная неурегулированность не означает невозможность обращения к цифровым доказательствам по смыслу правил Римского статута. Тем не менее информационное пространство на данном этапе продолжает развиваться. Оно по определению не может находиться в состоянии неподвижности. Развитие всегда предполагает какие-либо изменения. В данном случае интерес вызывают изменения, которые предполагают внесение не только в национальное, но и в международное законодательство положений о том,

что же всё-таки относится к цифровым доказательствам, приемлемо ли к ним применять критерии, которые используются по отношению к вещественным доказательствам, в каких случаях можно будет ссылаться на цифровые доказательства, а в каких нельзя, а также следует уточнить вопрос об оценке такого рода доказательств. Раскрыв данные вопросы на примере заложенной в Римском статуте модели доказывания, можно будет решить ряд насущных для современной национальной теории доказывания по уголовным делам вопросов. Каждое государство сможет закрепить разработанные на такой основе положения об условиях и порядке цифрового доказывания в своём законодательстве. Это позволит сделать следствие в условиях цифровизации более эффективным и продуктивным, ведь для доказывания вины того или иного человека необходимы существенные доказательства его причастности к совершению того или иного преступления.

Но здесь должна быть такая позиция, в основе которой следует положить начала справедливого уголовного судебного производства. Это зафиксировано даже в правовой позиции Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Допустимость доказательств увязывается со справедливостью всего производства по уголовному делу. Практика ЕСПЧ о допустимости доказательств является тем вопросом, который регулируется непосредственно национальным законодательством¹⁹.

Приоритетными для суда должны быть первоисточники сведений: показания в суде лица, уполномоченного на проведение досудебного уголовного преследования, а также видеозапись его действий по обнаружению и получению предметов, документов, фиксации следов преступления. Доказательства обвинения, в свою очередь, должны быть представлены в такой форме, которая позволила бы верифицировать его, проверить и оценить достоверность. Например, вместо всем привычного протокола и приложений к нему можно использовать иной способ фиксации информации, осуществляемый посредством цифровых технологий²⁰.

В этом могут помочь цифровые технологии, подтверждающие объективность полученной

¹⁸ URL: http://interjustice.blogspot.com/2012/03/blog-post_20.html (дата обращения: 13.07.2019).

¹⁹ Постановление Европейского суда от 23.04.1997 по делу «Ван Мехелен (Van Mechelen) и другие против Нидерландов» // СПС «КонсультантПлюс»; Рудич В.В. Стандарты допустимости доказательств по уголовным делам, выработанные в решениях Европейского суда по правам человека // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5. С. 9-12.

²⁰ Пастухов П.С. К вопросу о создании процедуры использования «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 5-8.

информации через ненарушение заложенных в цифровой вид сведений алгоритма их обработки и хранения.

Если всё-таки в процессе сбора доказательств были выявлены какие-либо нарушения, которые ставят под сомнение их достоверность и являются несовместимыми с добросовестным проведением судебного разбирательства, то тогда МУС не будет принимать их во внимание²¹. Думается, что МУС в случае получения данных в цифровом виде должен признать такие доказательства допустимыми постольку, поскольку они не противоречат правилам, зафиксированным в Правилах процедуры и доказывания. Как уже было сказано выше, прогресс не стоит на месте. И сейчас активно осуществляется процесс автоматизации. И было бы не совсем логично, если бы МУС признавал цифровые доказательства недопустимыми и неотносимыми, исходя только из того, что это не входит в обычную практику. Нельзя недооценивать доказательства, которые могут помочь при непосредственном судебном разбирательстве. Их роль и значение по любому уголовному делу носят особый, можно даже сказать универсальный характер. Пренебрежение ими нарушает законность, обоснованность и справедливость судебного разбирательства.

Анализируя всё вышесказанное, можно сделать следующий вывод. Работать, опираясь на опыт прошлого, конечно, хорошо, но, безусловно, нужно учиться применять и нововведения. Это касается определённо всех сфер жизнедеятельности, а особенно процесса, связанного со сбором и использованием доказательств. Суд должен учитывать любые доказательства, которые подтверждают или опровергают какой-либо поставленный тезис. И не имеет значения из каких источников это получено: непосредственно с места преступления, во время допроса свидетелей или же при осмотре личного компьютера, телефона, почты. Суд должен наращивать практику использования цифровых доказательств через призму разработки и внедрения способов верификации таких данных, в том числе путем создания цифровых алгоритмов и программ, ведь процесс доказывания в условиях развития технологий должен развиваться, а не пребывать в состоянии стагнации.

Список литературы

1. Белозерова И. Роль и значение доказательств по уголовным делам, рассматриваемым в рамках

²¹ Проект текста Правил процедуры и доказывания // ООН: официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/rules/icc_rules.pdf (дата обращения: 10.05.2019).

- международного уголовного процесса // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 136-137.
2. Белый И.Ю. Международное уголовное правосудие и современный миропорядок // Международное право и международные организации. 2016. № 2. С. 238-256.
3. Глотова С.В. Международный Уголовный суд в системе международной безопасности // Международное право — International law. 2007. № 1(29). С. 85.
4. Головкин Л.В. Институты «отказа прокурора от обвинения» и «изменения обвинения в суде»: экзистенциальный аспект // Теория уголовного процесса: составитель: в 2 ч. / Под ред. Н.А. Колоколова. М., 2013. Ч. I. С. 238-275.
5. Каюмова А.Р. Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции // Государство и право. 2008. № 1. С. 82-90.
6. Наумов А.В., Кибальник А.Г. Международное уголовное право: учебник / Под редакцией А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. 444 с.
7. Пастухов П.С. К вопросу о создании процедуры использования «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 5-8.
8. Печегин Д.А. Соотношение розыскного и состязательного начал в международных документах, регулирующих уголовное судопроизводство // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 6. С. 50-59.
9. Печегин Д.А. Становление международной уголовной юстиции: история вопроса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12(140). С. 149-153.
10. Печегин Д.А. Сочетание состязательного и следственного начал при производстве дел в Международном уголовном суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 30 с.
11. Печегин Д.А. Квалификация преступлений, связанных с использованием современных электронных устройств: опыт Германии // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4. С. 120-124;
12. Печегин Д.А. Крипториски // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3(12). С. 151-157.
13. Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. 125 с.
14. Романов С.В. Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве // Труды юридического факультета. Кн. 11. М., 2009. С. 9-212.
15. Рудич В.В. Стандарты допустимости доказательств по уголовным делам, выработанные в решениях Европейского суда по правам человека // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5. С. 9-12.
16. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946. 511 с.
17. Туманов В.А. Европейский суд по правам человека: избранные решения: в 2 т. М., 2000. Т. 1. 856 с.

18. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1912. Изд. 4-е. Т. I. 579 с.
19. Чернышов В. Н., Лоскутова Е. С. Проблемы соби- рания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5. С. 199-203.
20. Чоки М. Цифровые доказательства в информаци- онную эру // <http://www.crime-research.ru/articles/Chawki>.
21. Broomhall B. International Justice and the International Criminal Court: between sovereignty and the rule of law. Oxford, 2003. 215 p.

Philosophy of Transformation of Evidence in the Development of New Technologies: International Aspect

Sedova Daria,

Student of the All-Russian State University of Justice

Abstract. Modern society is developing actively. It undergoes different changes, including in the process of technological and technical progress, which dictates the necessity of taking into account modern realities in the implementation of rights. Nevertheless, the law is currently quite conservative in its development in terms of the speed of its adaptation to new conditions or the demands of society. If we review, for example, the criminal process, then proof, as one of its institutions, is at the core, that is, the part that is stable and theoretically worked out sufficiently fully. That is why it is difficult to make changes in evidence as an institution of criminal proceedings. This article is directly related to the analysis of the prospects for the transformation of evidence in terms of digitalization on the example of the International Criminal Court (hereinafter — the ICC), which embodied the best practices of the countries of both Anglo-Saxon and Continental legal traditions in its model of criminal justice. In order to make a fair verdict, the ICC uses evidence that was gathered during the investigation. But what if “evidence” was discovered in a digital form? Does the ICC consider such “evidence” to be admissible and relevant? Today there are many new digital entities. These include blockchains, virtual money, cryptocurrencies, tokens, and so on. The specificity of new digital entities is that they have no material expression and are absolutely virtual in nature. That is why the need for doctrinal reflection arises — will the proof process change in this case? After all, some modern digital entities today are used not only for legal purposes, which in turn leads to the need to find ways of fixing illegal actions using modern technologies. Analysis of the problems on the example of the ICC will allow to formulate the prospects for the transformation of evidence at the national level.

Key words: International criminal court, ICC, evidence, proof, transformation of evidence, Rome Statute, digitalization.

References

1. Belozeroва I. Rol' i znachenie dokazatel'stv po ugovolnym delam, rassmatrivaemym v ramkakh mezhdunarodnogo ugovol'nogo protsesssa [The Role and importance of evidence in criminal cases considered in the framework of international criminal procedure]. *Biznes v zakone [Business in Law]*. 2009. No. 5. S. 136-137.
2. Belyi I.Iu. Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravosudie i sovremennyi miroporiadok [International criminal justice and modern world order]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii [International law and international organizations]*. 2016. No. 2. S. 238-256.
3. Glotova S.V. Mezhdunarodnyi Ugolovnyi sud v sisteme mezhdunarodnoi bezopasnosti [International criminal court in the system of international security]. *Mezhdunarodnoe pravo — International law*. 2007. No. 1(29). S. 85.
4. Golovko L.V. Instituty «otkaza prokurora ot obvineniia» i «izmeneniia obvineniia v sude»: ekzistentsial'nyi aspekt [Institutions, “The Prosecutor withdraws the charges and changes to charges in court”: the existential aspect] // *Teoriia ugovol'nogo protsesssa: sostizatel'nost': v 2 ch. / Pod red. N.A. Kolokolova*. Moscow, 2013. Ch. I. S. 238-275.
5. Kaiumova A.R. Printsip komplementarnosti v sisteme printsipov ugovolnoi iurisdiksii [Principle of complementarity in the system of principles of criminal jurisdiction]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 2008. No. 1. S. 82-90.
6. Naumov A.V., Kibal'nik A.G. Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo: uchebnik [International criminal law : textbook for undergraduate and graduate] / Pod redaktsiei A.V. Naumova, A.G. Kibal'nika. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow, 2018. 444 s.
7. Pastukhov P.S. K voprosu o sozdanii protsedury ispol'zovaniia «elektronnykh dokazatel'stv» v ugovolnom sudoproizvodstve [On the issue of creating a procedure for the use of “electronic evidence” in criminal proceedings]. *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaia iustitsiia [International criminal law and international justice]*. 2015. No. 2. S. 5-8.
8. Pechegin D.A. Sootnoshenie rozysknogo i sostizatel'nogo nachal v mezhdunarodnykh dokumentakh, reguliruiushchikh ugovolnoe sudoproizvodstvo [The ratio of the investigative and adversarial principles in international instruments regulating criminal proceedings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 11: Pravo [Bulletin of Moscow University]*. 2014. No. 6. S. 50-59.

9. Pechegin D.A. Stanovlenie mezhdunarodnoi ugovnoyi iustitsii: istoriia voprosa [Formation of international criminal justice: the history of the issue]. *Vestnik Tambovskogo universiteta [Bulletin of Tambov University]*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2014. No. 12(140). S. 149-153.
10. Pechegin D.A. Sochetanie sostizatel'nogo i sledstvennogo nachal pri proizvodstve del v Mezhdunarodnom ugovnom sude: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [The Combination of adversarial and investigative principles in the proceedings of the International criminal court]. Moscow, 2016. 30 s.
11. Pechegin D.A. Kvalifikatsiia prestuplenii, svyazannykh s ispol'zovaniem sovremennykh elektronnykh sushchnostei: opyt Germanii [Qualification of crimes related to the use of modern electronic entities: the experience of Germany]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian journal of legal studies]*. 2018. No. 4. S. 120-124;
12. Pechegin D.A. Kriptoriski [Cryptorisks]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian journal of legal studies]*. 2017. No. 3(12). S. 151-157.
13. Polianskii N.N. Ocherki obshchei teorii ugovnogo protsessa [Essays on the General theory of criminal procedure]. Moscow, 1927. 125 s.
14. Romanov S.V. Poniatie, sistema i vzaimodeistvie protsessual'nykh funktsii v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve [The Concept, system and interaction of procedural functions in the Russian criminal proceedings]. *Trudy iuridicheskogo fakul'teta [Proceedings of the faculty of law]*. Kn. 11. Moscow, 2009. S. 9-212.
15. Rudich V.V. Standarty dopustimosti dokazatel'stv po ugovnym delam, vyrabotannye v resheniiakh Evropeiskogo suda po pravam cheloveka [Standards of admissibility of evidence in criminal cases, developed in the decisions of the European court of human rights]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaia iustitsiia [International criminal law and international justice]*. 2017. No. 5. S. 9-12.
16. Strogovich M.S. Ugolovnyi protsess [Criminal process]. Moscow, 1946. 511 s.
17. Tumanov V.A. Evropeiskii sud po pravam cheloveka: izbrannye resheniia: v 2 t. [European court of human rights: selected decisions: 2 vol.]. Moscow, 2000. T. 1. 856 s.
18. Foinitskii I.Ia. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva [Criminal Justice Course]: v 2 t. Saint Petersburg, 1912. Izd. 4-e. T. I. 579 s.
19. Chernyshov V.N., Loskutova E.S. Problemy sobiraniia i ispol'zovaniia tsifrovyykh dokazatel'stv [Problems of collecting and using digital proofs]. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy [Socio-economic phenomena and processes]*. 2017. No. 5. S. 199-203.
20. Choki M. Tsifrovye dokazatel'stva v informatsionnoi eru Digital evidence in the information age // <http://www.crime-research.ru/articles/Chawki>.
21. Broomhall B. International Justice and the International Criminal Court: between sovereignty and the rule of law. Oxford, 2003. 215 p.

